

Мальшева Е.Г.
Омск, Россия

Malysheva E.G.
Omsk, Russia

**ИДЕОЛОГЕМА
КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения чрезвычайно значимого для современной лингвистики, в том числе политической, понятия – идеологема. Доказывается возможность рассмотрения идеологема как особого типа многоуровневого концепта, в когнитивной структуре которого выделяются идеологически маркированные концептуальные признаки. Кроме того, в настоящей статье предпринимается попытка классификации идеологем по разным основаниям.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, идеологема, концепт, классификация идеологем.

Сведения об авторе: Мальшева Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Омский государственный университет.

Контактная информация: 644074, г. Омск, ул. Ватутина, д. 28, кв. 2.

E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

IDEOLOGEM

**AS LINGVO-COGNITIVE PHENOMENON:
DEFINITION AND CLASSIFICATION**

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article is devoted to the problem of defining the concept "ideologem" which is extremely meaningful for modern Linguistics, including political linguistics. We try to prove the possibility of considering "ideologem" as a special type of multi-layer concept, in the structure of which ideologically marked conceptual. Furthermore this article attempts to classify "ideologem" on different grounds.

Key words: cognitive linguistics, ideologem, concept, classification of the ideologem.

About the author: Malysheva Elena Grigorievna, Candidate of Philology, Associate Professor

Place of employment: Omsk State University.

1. Идеология и идеологема: к вопросу о содержании понятий. Термин *идеологема*, впервые, по-видимому, использованный в работах М.М. Бахтина для обозначения объективно существующих форм идеологии [см., напр.: Бахтин 1975; 1994 и др.], сегодня употребляется во многих отраслях научного знания: от философии и истории до культурологии и лингвистики.

При всем неизбежном многообразии подходов к определению данного феномена, продиктованном прежде всего кардинальными различиями в объекте и предмете исследования различных научных дисциплин и направлений, общим местом существующих дефиниций так или иначе остается то, что констатировал как раз М.М. Бахтин: идеологема – это экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии. Необходимо заметить, что М.М. Бахтин понимал и идеологема, и идеологию в самом широком, даже семиотическом, смысле – недаром многие исследователи говорят о связи взглядов на социум, человеческую сущность и язык М.М. Бахтина и Р. Барта [см. об этом: Косиков 2009].

Кстати говоря, из концепции М.М. Бахтина, которая разработана им в 30-е годы XX столетия («Слово о романе», 1934-1935, «Формы времени и хронотопа в романе», 1937-1938, «Из предыстории романного слова», 1940), следует, что термин *идеология* используется ученым и в исконном значении – идеология как «руководящая идея, своего рода стержень, замысел» [Спиркин 2009], и в значении «приобретенном» – идеология как «совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, про-

граммных документов партий, философских концепций» [Новейший философский словарь 2003]. Добавим, что именно так понимаемая идеология, «не являясь религиозной по сути... исходит из определенным образом познанной или "сконструированной" реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание» [там же].

Применяя термины *идеология* и *идеологема* прежде всего по отношению к языковой стратификации, М.М. Бахтин придает своей теории мировоззренческий характер: так, «абстрактно единый национальный язык» расслаивается, по мнению исследователя, на «словесно-идеологические и социальные кругозоры», на «языки-идеологема», у каждого из которых – своя «социально-идеологическая смысловая конъюнктура», «свой лозунг, своя брань и своя похвала» [Бахтин 1975: 101, 104], и не один из них «не в состоянии выработать целостного взгляда на мир» [Косиков 2009: 10].

Уместным будет вспомнить, что, подчеркивая необъективный, часто ложный характер разного рода идеологий, Р. Барт приходит к мысли об объединении идеологии и *мифа*, называя их «метаязыками», «вторичными семиотическими системами», «вторичными языками» и не проводя между ними семиотического разграничения. Исследователь определяет идеологию как введенное в рамки общей истории и отвечающее тем или иным интересам *мифическое построение* [см. подр.: Барт 1996].

При всем своеобразии подхода Р. Барта (в частности обусловленного исповедуемыми им

традиционными представлениями о знаке как об ассоциации означаемого и означающего) подчеркнутая им корреляция идеологии и мифа имеет важнейшее значение для современного представления о сути идеологических механизмов. Так, «статус идеологии как воплощение связи дискурса с некоторой социальной топикой описывается в современной философии как ряд отношений правдоподобия» [Новейший философский словарь: 2003]. Подчеркнем: *правдоподобия*, а не реального тождества.

Более того, говоря об идеологии, Н.И. Шестов понимает ее как «получивший санкцию политического института... политический миф» [Шестов 2005: 95], который реализуется как в невербальном (демонстрации, государственная и военная символика и т.п.), так и в вербальном поведении (например при использовании эвфемизмов, ярлыков, стереотипов, политических терминов, лексического повтора, перифразы, параллельных синтаксических конструкций и метафоры и т.п.).

Вообще роль идеологии в XX и в начале XXI века трудно переоценить: идеологизации и политизации подвергались и продолжают подвергаться те области и сферы человеческой деятельности и – шире – человеческого бытия, которые, как казалось, не должны были быть «втянуты» в идеологический круг. Тем не менее философские, культурологические, исторические, социологические, лингвистические исследования доказывают, что даже феномены, ни прямо, ни косвенно не имеющие отношения к сферам политики, государства, власти, идеологии, в тот или иной временной промежуток оказываются идеологизированными [См., напр., рассуждение о трансформации в советской идеологической картине мира культурных концептов в концепты-каноны: Шкайдерова 2007: 19-28].

Впрочем, обо всем этом речь пойдет позднее применительно к идеологеме 'Спорт', а вопрос, интересующий нас в данном разделе, лежит в несколько иной, терминологической и содержательной, плоскости: он в том, феномены *какого порядка и уровня* могут называться идеологемами, то есть выполнять функцию репрезентации идеологии, являться «формой идеологии», идеологическим «знаком»?

Возвращаясь к уже сказанному, можно констатировать, что «родоначальник» термина *идеологема*, философ языка и литературовед М.М. Бахтин, идеологемой мог называть как социолекты в целом, так и языковые и/или концептуальные «маркеры» таких социолектов; однако очевидно, что он вел речь прежде всего об отраженной в этих «языках-идеологемах» картине мира, которая, по его мнению, была «злостно неадекватна действительности», вмещала лишь «кусочек, уголок мира», «мнения», «идеологемы» (выделено мной. – Е.М.), некие «гипотезы смысла» [Бахтин 1975: 105]. Прочитываемые высказывания, в каковых со-

держатся теоретические положения, во многом определившие «течение мысли» современных лингвистов и культурологов, предметом исследования которых является, в частности, тоталитарный дискурс и тоталитарный язык, кроме всего прочего, демонстрируют уже отмеченную нами ранее многоаспектность использования термина *идеологема* в работах М.М. Бахтина, по всей видимости, обусловленную крайней неоднозначностью, хотя и операциональной привлекательностью самого феномена.

Итак, повторимся: в современной лингвокультурологии и политической лингвистике (а также в собственно культурологии, политологии, социологии и истории) «всплеск» интереса к феномену *идеологема* связан прежде всего с изучением и описанием специфических языковых и концептуальных черт тоталитарного советского периода и тоталитарного языка советской эпохи [см., напр.: Купина 1995, Торохова 2006, Одесский, Фельдман 2008 и мн. др.].

Однако и в названных выше, и в целом ряде других исследований термин *идеологема* трактуется по-разному.

С нашей точки зрения, среди всего многообразия интересующих нас лингвистических подходов к определению данной универсалии можно выделить два «магистральных» – широкий и узкий – в понимании идеологемы как феномена *собственно языкового*.

Так, определяя *тоталитарный язык*, Е.А. Земская подчеркивает, что это...своего рода *система идеологем*, средство отражения и формирования идеологизированного сознания «советского человека» [Земская 1996: 23], и тем самым демонстрирует широкий лингвокультурологический подход к понятию *идеологема*.

Близкую по существу трактовку описываемого феномена обнаруживаем в работе Т. Новиковой [2006] и в монографии Г.Ч. Гусейнова «Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х» [Гусейнов 2004], где исследователь предпочитает говорить о «формах бытования идеологем», способах текстовой репрезентации идеологем.

Данные формулировки позволяют предположить, что под идеологемой как таковой исследователь понимает единицу неязыкового порядка, единицу концептуальную, которая объективируется разного рода феноменами языковых уровней; однако оказывается, что «формой бытования идеологемы» и являются собственно *идеологемы разного типа*, представленные на всех уровнях текста – от *минимальной единицы, знака*, (идеологема-буква (ерь, б, н, е), идеологема-падежное окончание (измена Родины и измена Родине; Федеративная Республика Германии и Федеративная Республика Германия)) до *идеологемы-имени (топоним, эргоним и т.п.)*, *идеологемы-цитаты* (например, преобразованные высказывания Сталина). Кроме того, к идеологемам Г. Гусей-

нов относит и сферу обценной лексики русского языка, которая рассматривается в доминантной для советского времени, по мнению автора, идеологической функции. *Макроидеологемой СССР для носителей неславянских языков исследователь считает русский (кириллический) алфавит*; выделяет даже *идеологему-акцент* в средствах массовой коммуникации, кино, театре, повседневном обиходе. На примере сталинизмов, или закрепленных в обыденной речи сталинских паремий, ученый показывает динамику идеологической речи вообще и истолковывает «живучесть» *идеологем-сталинизмов* в постсоветском дискурсе.

Таким образом, Г.Ч. Гусейнов, с одной стороны, понимает под идеологемой любую языковую единицу (в том числе текст или сумму текстов), которая «маркирует» для носителей языка советскую идеологию; с другой стороны, для исследователя, видимо, очевидно существование идеологем «инного порядка» – идеологем как концептуальных элементов идеологии, которые репрезентируются в языке вышеназванными разноуровневыми единицами.

Еще более широкое, собственно культурологическое, понимание идеологемы демонстрирует Г. Гусейнов в монографии «Карта нашей родины: идеологема между словом и телом» [2005], посвященной «символической географии»: в ней карта рассматривается как идеологический элемент, своеобразная идеологема, что подтверждается, по мнению автора, привлекательностью образа картографического изображения нашей страны и частотным его использованием в рекламном, политическом, телевизионном дискурсе.

Говоря о лингвистическом определении термина *идеологема* в узком смысле, необходимо сослаться на точки зрения Н.А. Купиной, А.П. Чудинова, Т.Б. Радбиля и др. исследователей, которые сходятся в том, что идеологема – это вербальная единица, слово, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом» [Купина 2005: 91], имеющее в своем значении идеологический компонент [Чудинов 2007: 92]; «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль 1998: 22].

Итак, Н.А. Купина определяет *идеологему* как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [Купина 1995: 43], «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наплаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183].

С этих позиций тоталитарный язык, например, рассматривается как «сверхтекст идеоло-

гем»: «Тоталитарный язык организован системно» и «располагает своим словарем, который можно представить в виде блоков идеологем», которые, в свою очередь, «поддерживаются прецедентными текстами из так называемых первоисточников» [Купина 1995: 138].

Таким образом, в современной лингвистике достаточно устойчиво представление об идеологеме либо как о собственно вербальной единице, репрезентирующей базовые идеологические установки, ценности в языке и особенное значение приобретающей в языке тоталитарном, либо как о единице любого языкового (и даже текстового) уровня, функцией которой становится экспликация системы идеологических доминант.

Однако, на наш взгляд, описываемый феномен прежде всего *универсалия мыслительная, когнитивная* (что, кстати говоря, в целом не противоречит бахтинским представлениям об идеологеме), *единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и – шире – в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем.*

По нашему убеждению, вряд ли стоит ограничивать понимание идеологемы рамками слова или иной языковой единицы. Думается, что лексема является одним из основных способов репрезентации идеологемы в тексте, но *только* ею понятие идеологемы вряд ли исчерпывается.

Такого рода «когнитивно ориентированный» подход к исследуемой универсалии репрезентирован, в частности, в исследованиях Н.И. Клушиной и А.А. Мирошниченко.

Последний, являясь автором методики лингво-идеологического анализа [см. подр.: Мирошниченко 1995], предлагает разграничить две единицы – *лингвему* и *идеологему*, определяя их соответственно как «праксеми языка» и «праксеми сознания».

Ценностно-языковое соответствие, возникающее при моделировании между идеологемой и лингвемой, исследователь называет *лингво-идеологемой*, подчеркивая, что лингво-идеологема – это материал и продукт лингво-идеологических парадигм.

С точки зрения автора, определенная идеологема (в ее метафизическом и ценностном значениях) выражается определенной лингвемой. «Это означает, что *идеологема является концептом, а лингвема – индикатором лингво-идеологемы*» (выделено мной. – Е.М.) [там же]. Заметим, что А.А. Мирошниченко справедливо полагает, что лингвемой, то есть средством языковой объективации идеологемы, может являться «любая единица языка, а также любое синтаксическое или семантическое отношение в языке... Индикатором лингво-идеологемы может быть даже значимое отсут-

ствие должной единицы языка или должного структурного отношения (эллипсис)» [там же].

Н.И. Клушина [2008] рассматривает идеологию сквозь призму коммуникативной стилистики, что является определяющим и решающим фактором в ее представлениях о данном феномене.

Автор понимает под идеологией «центральное понятие публицистики», «единицу коммуникативной стилистики», «базовую интенциональную категорию публицистического текста и публицистического дискурса», которая задает «определенный идеологический модус любому публицистическому тексту»; наконец, идеологема, рассматриваемая в парадигме коммуникативной стилистики, – это «основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст» [там же: 38-39].

Последнее из приведенных определений нам кажется несколько расплывчатым и неопределенным, однако для настоящего исследования важным оказывается следующее: предпринимая попытку в рамках коммуникативной стилистики разграничить понятия *идеологема*, *концепт* и *ментальный стереотип*, Н.И. Клушина признает, что, во-первых, это смежные единицы одного – ментального, когнитивного – уровня; а во-вторых, что идеологема, так же как концепт и ментальный стереотип, репрезентируется в текстовом пространстве дискурса.

Впрочем, по мнению автора, языковая объективация идеологией происходит вербальными средствами, такими как «мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой» [там же: 38]. Это утверждение, думается, несколько сужает разговор о потенциальных возможностях языковой экспликации идеологией: может быть, стоило говорить о *преимущественном* характере языковой репрезентации идеологией на лексико-семантическом уровне и о том, что данное положение верно прежде всего для текстов печатных СМИ.

Однако справедливости ради надо отметить, что Н.И. Клушина называет и другие способы реализации в публицистическом тексте «определенной заданной идеи (идеологией)», такие как «авторская оценочность, интерпретация действительности, номинации и выбранная адресантом стилистическая манера изложения (речевая агрессия, речевое одобрение или подчеркнутая объективность)» [там же: 5].

В целом разграничение таких когнитивных универсалий, как *идеологема*, *концепт* и *ментальный стереотип*, на наш взгляд, носит в диссертационной работе Н.И. Клушиной по большей части операциональный и прикладной характер, поскольку даже в рамках конкретного исследования не удается избежать определения одного феномена через другой (что диктуется, как кажется, объективной близостью дан-

ных когнитивных единиц, особенно понятий *идеологема* и *концепт*) и выработать какие-либо дефиниции, в которых *по одним и тем же основаниям* дифференцировались бы названные универсалии.

Итак, с нашей точки зрения, под *идеологией* целесообразно понимать единицу когнитивного уровня – *особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах.*

Идеологема как ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе и языковой. Употребление вербальных маркеров идеологией – ключевого слова, клише, устойчивых метафор и под. – является одним из способов ее языковой реализации.

Идеологема репрезентируется не только в базовых дискурсах (идеологическом, политическом, информационно-массовом, публицистическом), но и в других типах дискурсов: рекламном, спортивном, учебном, научном, религиозном, развлекательном, бытовом; впрочем, даже в рамках большинства дискурсов, для которых идеологема не является содержательной доминантой, названная когнитивная универсалия реализует свою важнейшую суггестивную функцию – «целенаправленное воздействие со стороны адресанта (отправителя речи) на сознание адресата (получателя речи)» [Клушина 2003: 269].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в разряд идеологией в разные периоды существования государства могут попадать концепты, содержательно не связанные с идеологической или политической сферой жизни. Это происходит тогда, когда в структуре данного концепта начинает выделяться уже названный идеологический признак (ср., например, идеологизацию в языке советской эпохи концептов 'Господин' и 'Товарищ' или идеологическую «нагруженность» концептов 'Советский балет', 'Советский ученый', 'Советское языкознание').

2. Классификация идеологией. Создание классификации, или типологии, идеологией, вероятно, является задачей не менее сложной, чем определение «содержательных границ» настоящего феномена.

Как это часто бывает при создании практически любых классификаций, важнейшим оказывается вопрос о верной и точной выработке оснований для ее проведения, а также о том, какое из принятых теоретиками оснований носит характер «главного», «ведущего».

В современных лингвистических работах предлагаются некоторые типологические и видовые классификации идеологем, особенности которых прежде всего определяется целью и объектом конкретного исследования и / или конкретного научного направления.

А.П. Чудинов, рассматривая специфику функционирования слов-идеологем в современном политическом дискурсе, выделяет *два основных вида идеологем* в зависимости от использования их представителями разных политических партий и движений.

Идеологемы первого вида «неодинаково понимаются сторонниками разных политических взглядов» [Чудинов 2007: 92], что отражается в эмоциональной окраске слова, «на которое переносится оценка соответствующего явления» [там же]. В качестве примера ученый приводит, в частности, специфику понимания идеологем *народ* и *свобода*, которые одинаково актуальны в дискурсе сторонников различных политических партий и движений, но содержание которых может кардинально отличаться в связи с политическими убеждениями говорящих.

Идеологемы второго вида «используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию» [там же: 93]. В частности, исследователь говорит об идеологеме *страны народной демократии*, объективированной в советском политическом языке и имеющей в нем положительный аксиологический модус, и об идеологеме *советские спутники*, актуальной для языка диссидентов и эксплицирующей отрицательный аксиологический модус значения.

С точки зрения публицистического дискурса выделяет типы идеологем Н.И. Клушина: она отмечает, что в нем актуализированы *социальные и личностные* идеологемы.

Понимая под социальными идеологемами такие когнитивные феномены, которые «отражают установки и ориентиры общества на конкретном отрезке его развития» [Клушина 2008: 39], исследователь, не оговаривая этого специально, дает характеристику видам социальных идеологем в связи с их «временной закрепленностью» (и – сделаем напрашивающийся вывод – в связи с актуальностью содержания идеологемы, а значит, и частотностью и разнообразием языковых способов репрезентации этих универсалий).

Так, на «оси времени» выделяются *исторические, современные и футурологические* идеологемы (выделено мной. – Е.М.), отражающие историю и поиск для общества идей (например, исторические идеологемы *держава, мессианизм* и футурологическая *национальная идея*) в современной российской публицистике» [там же: 40].

«Личностные идеологемы, – пишет Н.И. Клушина, – складываются вокруг руководителя государства, любого значительного политического лидера, героев / антигероев своего времени. Личностные идеологемы складываются, например, вокруг каждого руководителя государства, начиная с образа «царя-батюшки» и заканчивая образом президента. Подобные идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тиражируемых СМИ, например: «вождь мирового пролетариата» (о Ленине), «гениальный вождь и учитель» (о Сталине), «генеральный конструктор» (о Хрущеве), «верный ленинец» (о Брежнев), «архитектор перестройки» (о Горбачеве), «царь Борис» (о Ельцине) и т.п.» [там же].

Не имея принципиальных возражений относительно выделения названных типов идеологем, выразим свое отношение в связи корректностью / некорректностью избираемых исследователем терминов и – главное – того содержания, которое за этими терминами стоит.

Если исходить из узкого значения лексемы «социальный» («общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе» [Ожегов, Шведова 1995: 741], то использование этого слова в качестве дифференциального определения к термину *идеологема* не кажется нам содержательно безупречным, поскольку любая идеологема, в том числе и личностная, в силу специфики данного понятия, является так или иначе социально значимой.

Кроме того, и временная характеристика вовсе не прерогатива так называемых социальных идеологем: личностные идеологемы, как следует из приведенных примеров, могут быть охарактеризованы как минимум по шкале прошлое / настоящее.

Как кажется, автор, в целом не следуя принципам лингвокогнитивного исследования объекта, пытался тем не менее подчеркнуть кардинальные различия в *когнитивной сущности* описываемых концептуальных категорий. Так, социальные идеологемы (даже если принимать во внимание присущее идеологемам тоталитарного языка «опрощение», «клишированность» – вплоть до полной десемантизации – не только языковых средств выражения, но и концептуальных признаков мыслительной универсалии) имеют характер *абстрактных* (в терминологии И.А. Стернина) *концептов – концептов-понятий, концептов-фреймов* или *концептов-гештальтов* – и представляют собой или концепт, состоящий «из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат их отражения и осмысления» (*идеологема-понятие*), или «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» (*идеологема-фрейм*),

или «комплексную, целостную функциональную мыслительную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений в сознании» (*идеологема-гештальт*) [Стернин, Попова 2003: 72-74].

В свою очередь, личностные идеологемы, «идеологические вокативы» (термин Т. Шкайдеровой), которые являются концептами, обозначающими ставшие прецедентными имена «вождей» и «лидеров», являются «основными компонентами общего ядра знаний и представлений» [Шкайдерова 2007: 117] и обладают свойствами такой когнитивной универсалии, как *архетип* [см. подр.: Юнг 1987: 229, Кузьмина 1999: 193]. Характеристика личностных идеологем как *идеологем-архетипов* тем более справедлива, что прежде всего именно они позволяют идеологической картине мира приобретать черты мифологической. Это обстоятельство, кстати говоря, подчеркивается практически всеми исследователями советского тоталитарного дискурса, и в том числе Н.И. Клушиной, которая утверждает, что «любая идеологема таит в себе опасность обернуться мифологемой, так как средства массовой коммуникации являются проводниками определенной идеологии. И здесь сдерживающими механизмами являются свобода слова, открытый доступ к информации и функционирование изданий различной политической направленности» [Клушина 2008: 41]. Впрочем, в современной политическом – и не только политическом – дискурсе в связи с изменением экстралингвистических факторов недавняя «демифологизация» идеологем-архетипов и идеологем других видов имеет тенденцию к «новой» мифологизации [см. об этом: Кузьмина 2007, Малышева 2009].

Итак, проведенный анализ доказывает, что ученые выделяют те типы идеологем, которые являются особенно значимыми с точки зрения того или иного научного направления, тех или иных задач исследования. Но и в этом случае не всегда удается избежать «множественности» оснований при выделении типов изучаемого феномена.

Не претендуя на полноту и законченность, мы предлагаем классификацию идеологем по нескольким базовым основаниям. Так, для выделения типов идеологем релевантными оказываются прежде всего следующие характеристики: специфика концептуализируемой ими информации (данный параметр описания подчеркивает когнитивную природу изучаемого явления); актуальность / неактуальность идеологем в современной идеологической картине мира и в современных дискурсах разного типа (прежде всего в политическом и публицистическом, а также во взаимосвязанных с ними); особенности прагматической и коммуникативной характеристик идеологем (аксиологические характеристики содержания идеологем, специфика ее понимания и восприятия носителями языка и пр.).

Данная классификация – разумеется, как и все немногие существующие, – несовершенна и уязвима для критики (и мы это осознаем), но оправдана с точки зрения предпринимаемого нами исследования и в то же время дополняет и уточняет уже имеющиеся в научной литературе представления о типах идеологем.

Итак, нами выделены:

1. В связи с *характером концептуализируемой информации*:

- *идеологемы-понятия* (такие, как *народ, флаг, гимн, демократия*);

- *идеологемы-фреймы* (*олимпиада, спорт, съезд, Государственная дума*);

- *идеологемы-гештальты* (*свобода, равенство*);

- *идеологемы-архетипы* (*Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай*).

2. С точки зрения *сферы употребления и понимания носителями языка*:

- *идеологемы общеупотребительные / понимаемые по-разному* (*народ, свобода*);

- *идеологемы общеупотребительные / понимаемые одинаково* (*спорт, отечество, гимн*);

- *идеологемы ограниченного употребления / понимаемые одинаково* (*советские солдаты-освободители* (ср. *окупанты*)).

3. С учетом *прагматического компонента* (оценочного потенциала, специфики восприятия носителями языка, в т.ч. представителями разных политических партий):

- *идеологемы с положительным аксиологическим модусом* (*родина, флаг, отечество*);

- *идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом* (*террор, фашизм*);

- *идеологемы со смешанным аксиологическим модусом* (*патриотизм, президент, воля, демократия, народ*).

4. В связи с *актуальностью / неактуальностью идеологем в современной идеологической картине мира*:

- *идеологемы-историзмы* (*советский народ, социалистическое соревнование, КПСС, царь*);

- *новоидеологемы* (или *современные идеологемы*) (*финансовый кризис, принуждение к миру, парламент, национальная идея, монетизация льгот, толерантность*);

- *реактуализованные идеологемы* (*губернатор, дума*);

- *универсальные идеологемы* (*Родина, флаг, гимн, патриотизм*).

Прокомментируем данную классификацию, не касаясь первой группы идеологем, поскольку наша позиция относительно выделения именно таких видов идеологем с точки зрения концептуализируемой информации была изложена ранее.

Итак, по нашему мнению, среди идеологем можно выделить идеологемы общеупотребительные и ограниченного употребления. Данное замечание коррелирует с точкой зрения

А.П. Чудинова, который пишет об идеологемах, используемых говорящими – представителями разных политических партий и движений, то есть об идеологемах *общеупотребительных*. Кроме того, у этого же исследователя находим замечание об идеологемах, которые «передают специфический взгляд на соответствующую реалию» и поэтому «используются только сторонниками определенных политических взглядов» [Чудинов 2007: 93]. Такого рода идеологема мы относим к идеологемам *ограниченного употребления*. И если идеологема общеупотребительная может конституировать для носителей языка различные когнитивные признаки (что зависит от партийных взглядов говорящего), то идеологема ограниченного употребления всегда имеет константный набор когнитивных признаков, поскольку используются только представителями одного политического направления, сторонниками одних политических взглядов. Однако любопытно, что концептуальное ядро такой идеологема, как правило, совпадает с концептуальным ядром другой идеологема, которая в «политическом словаре» иной партии или движения обозначает то же самое явление. Принципиальная разница между такого рода идеологемами всегда затрагивает концептуальные слои (Приведем актуальные примеры: идеологема *советский солдат-освободитель* в современном публицистическом и политическом дискурсе России и *окулант* в современных дискурсах того же типа в странах Балтии характеризуются общностью денотата, но кардинально различаются прагматическими и коннотативными признаками; ср.: *чеченские боевики (террористы)* – в современных российских СМИ и *чеченские борцы за независимость* – в современных американских СМИ), в которых представлена прагматическая, прежде всего оценочная, информация об объекте / явлении, что и отражается в прагматическом макрокомпоненте вербального маркера идеологема ограниченного употребления – ключевого слова / словосочетания. Естественно – и этот факт подчеркивается многими исследователями – что идеологема такого типа прежде всего используются как средство манипуляции общественным сознанием и как способ трансформации картины мира адресата.

В отличие от А.П. Чудинова, мы считаем возможным говорить о еще одном виде идеологема в связи с характеристикой сферы их употребления и специфики их понимания говорящими.

Речь идет об общеупотребительных идеологемах «универсального» характера, содержание которых одинаково понимается практически всеми носителями языка, независимо от их партийной принадлежности и политических взглядов. Таких феноменов, думается, немного, но они есть: *Родина, отечество, Россия, флаг*, с недавнего времени – *гимн* – эти и некоторые

другие идеологема частотны, общеупотребительны, обладают общим для большинства носителей языка «набором» концептуальных признаков, в том числе и в их идеологической составляющей, а также характеризуются несомненно положительным аксиологическим модусом значения.

Рассматривая группу 3 в нашей классификации, считаем необходимым прокомментировать выделение идеологема со смешанным аксиологическим модусом. Мы полагаем, что к данному виду идеологических универсалий относятся общеупотребительные идеологема, аксиологический модус значения которых колеблется от собственно положительного до неоднозначного и резко отрицательного.

Так, в оппозиционных коммунистических СМИ, в отличие от «официального» политического и публицистического дискурса, на всех языковых уровнях отражено негативное отношение к таким идеологическим феноменам, как *президент, демократия, власть* и – напротив – положительное к таким идеологемам, как *социализм, коммунизм, Советский Союз*. Впрочем, «колебания» прагматической составляющей той или иной идеологема не всегда обусловлено политической принадлежностью субъекта речи.

«Множественность» оценки, отраженная в языковой репрезентации идеологема, часто объясняется целым комплексом внеязыковых факторов, таких как социально-политическая и экономическая обстановка в стране и в мире, политические настроения в социуме и мн.др. Примерами такого рода идеологема могут служить идеологема *патриотизм*, аксиологический модус которой всегда был неоднозначен в русской идеологической картине мира [см. об этом: (Сандомирская 2001), (Декленко 2003), (Гаврилова 2005), (Ноженко 2008), (Одесский, Фельдман 2008) и мн. др.], идеологема *СССР* или идеологема-архетип *Брежнев*, аксиологический модус которой, по нашим наблюдениям, меняется в связи с трансформацией отношения в обществе к «эпохе застоя».

Чрезвычайно значимой, по нашему мнению, является группа 4 в нашей классификации, где представлены виды идеологема, характеристика которых зависит от актуальности/неактуальности данного феномена с точки зрения современной идеологической картины мира.

Так, с учетом динамики общественно-политической жизни в русской идеологической картине мира нами выделены *идеологема-историзмы* – идеологема, деактуализованные в современном политическом и публицистическом дискурсе и используемые либо в качестве иллюстрации к описанию исторических событий, либо в ситуации поиска исторического «идеологического коррелята» к современным идеологическим реалиям. Ср. частотность упо-

минания Российской империи и Советского Союза в связи с обсуждением темы потенциального и реального могущества современной России, в том числе – в случае с СССР – и могущества спортивного.

В качестве *новоидеологем*, или *современных идеологем*, нами рассматриваются идеологемы, актуальные для большинства носителей языка, общеупотребительные, активно функционирующие в политическом и других дискурсах постсоветской России, такие как *правовое государство, стабилизация экономики, национальное самосознание, национальный проект* и под. Подчеркнем, что, по нашему убеждению, состав современных идеологем весьма неоднороден и непостоянен, граница между этим и другими видами идеологем крайне подвижна и исторически изменчива.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что содержательная специфика и оценочные смыслы, присущие идеологемам разного вида, определяются прежде всего особенностями существующего в стране общественно-политического строя, «типологией» субъектов власти, геополитической и экономической обстановкой в мире.

Еще один вид идеологем, который мы считаем необходимым выделить в связи с влиянием общественно-политической ситуации на идеологическую картину мира, – это *универсальные идеологемы*, актуализированные в идеологической картине мира независимо от общественно-политического строя и воззрений политической элиты. Впрочем, несмотря на практически незыблемую *актуальность* такого рода идеологических феноменов, семантика универсальных идеологем, присущий им аксиологический модус, несомненно, коррелируют с принятой в тот или иной период «системой ценностей» и с политическими и идеологическими представлениями тех или иных носителей языка, в том числе представителей правящей партии.

Но еще раз подчеркнем: система универсальных идеологем – это набор «идеологических констант», которые, независимо от изменения их содержательной специфики и, следовательно, способов их языковой репрезентации, всегда являются современными, актуальными и востребованными как представителями различных политических партий и направлений, так и носителями языка вообще.

Кстати говоря, универсальность вышеназванных феноменов еще и в том, что они обладают сходными признаками и в иных, отличных от русской, идеологических картинах мира, являясь и там *идеологическими константами*, хотя, конечно, могут отличаться некоторым набором национально-специфических концептуальных признаков и, следовательно, частотных способов языковой объективации.

К универсальным идеологемам русской идеологической картины мира, на наш взгляд,

можно отнести концепты *'Патриотизм', 'Родина', 'Флаг', 'Гимн', 'Россия'*.

По нашему мнению, особое место в современной русской (и не только русской) идеологической картине мира занимает универсальная идеологема 'Спорт', которая имеет существенные когнитивные отличия от рассмотренных выше видов идеологем, хотя и может быть охарактеризована по тем же основаниям.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Мифологии. – М.: Изд. Сабашниковых, 1996. 312 с.

Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. – М.: Алконост, 1994. 172 с.

Гаврилова М.В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф. (Екатеринбург 14-16 апреля 2005г.) [Под ред. Л.Г. Бабенко]. – Екатеринбург: Изд-во. Урал. ун-та, 2005. С. 489-497.

Грицанов А.А., Можейко М.А., Румянцева Т.Г., Мерцалова А.И. и др. Новейший философский словарь. – М.: Книжный дом, 2003. 1280 с.

Гусейнов Г.Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М.: Три квадрата, 2004.

Гусейнов Г.Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. – М.: «О.Г.И.», 2005. 216 с.

Декленко Е.В. Концепт «патриотизм» в сопоставительном аспекте // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества [Отв. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Т. 11. С. 28-32.

Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 67-79.

Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [отв. ред. М.Н. Володина]. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 269-289.

Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.). Автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2008. 62 с.

Косиков Г.К. «Человек бунтующий» и «человек чувствительный» (М.М. Бахтин и Р. Барт) // Лики времени: Сб. статей. – М.: Юстицинформ; Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 8-25.

Кузьмина Н.А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации. Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н.С. Валгиной. – М., 2007. С.192-198.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург-Пермь, 1995.

Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. / РАН. Ин-т рус. яз. им.

В.В. Виноградова. [Отв. ред. Л.П. Крысин]. – М.: «Азбуковник», 2000. С. 182-189.

Купина Н.А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. С. 90-104.

Мальшева Е.Г. Концепт 'Губернатор' в региональном массово-информационном дискурсе (на материале текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области) // Политическая лингвистика [Гл. ред. А.П. Чудинов]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. Вып. 2 (28). С. 76-86.

Мирошниченко А.А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1996. 16с.

Новикова Т. Анализ принципов толерантности в текстах СМИ // RELGA. Научно-культурологический журнал. 2006. № 21 (143) URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles> (дата обращения 12.07.2009).

Ноженко Е.В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «Уверенность в себе», «Патриотизм», «Успешность» американской лингвокультуры. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Кемерово, 2008. 23 с.

Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской

культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109-123.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «АЗЪ», 1995. 928 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. 192 с.

Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова: монография – М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 116 с.

Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. – WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH LINGUISTISCHE REIHE HERAUSGEGEBEN VON TILMANN REUTHER SONDERBAND 50, WIEN 2001. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (дата обращения 13.07.2009).

Торохова М.В. Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946-1948 гг.: дис. канд. филол. наук. – М., 2006. 189 с.

Шкайдерова Т.В. Советская идеологическая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30-40 гг.): дис. канд. филол. наук. – Омск, 2007. 237 с.

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде [Под ред. А.И. Демидова; Рец.: Р.Ф. Матвеев, В.И. Коваленко] – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 412 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. 254 с.

© Мальшева Е.Г., 2009